

Х. Момджян

Лафарг и некоторые вопросы языкознания

В своем классическом труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин, раскрывая антимарксистскую сущность марровского учения о языке и закладывая основы советского языкознания, остановился попутно на оценке лингвистических взглядов французского марксиста Поля Лафарга. С исчерпывающей глубиной и ясностью товарищ Сталин вскрыл правильные и ошибочные положения, содержащиеся в известной работе Лафарга «Язык и революция». В настоящей статье мы пытаемся в свете указаний товарища Сталина подвергнуть критической оценке лингвистическое наследство Лафарга.

1.

Руководствуясь методом исторического материализма, Лафарг попытался проникнуть в тайны языка, раскрыть специфические закономерности его развития. Он решительно ополчился против двух основных пороков идеалистической лингвистики: против отрыва языка от истории общества и отрыва языка от мышления.

Рассматривая язык как общественное явление, Лафарг изучал его в процессе возникновения и развития и отвергал всякие попытки превращения словарного состава языка и его грамматического строя в нечто раз на всегда данное и неизменное.

«Подобно живому организму,—писал он,—язык рождается, растет и умирает; в продолжение своего существования он проходит ряд эволюций и революций, усваивая и отбрасывая слова, речевые комплексы и грамматические формы»¹.

Об ошибочных представлениях Лафарга о революционном развитии языка мы вернемся ниже. Здесь же отметим, что, оставаясь верным диалектическому взгляду на явления природы и общественной жизни, Лафарг не вырывал язык из всеобщего процесса вечного изменения и развития, вечного процесса становления и качественного преобразования. Рассматривая данный язык как историческую категорию, как нечто, имеющее свое прошлое, настоящее и будущее, Лафарг наносил удар не только по традиционным церковно-библейским представлениям о «богоданности» языка, но и по тем идеалистическим лингвистическим учениям, которые признавали лишь количественные изменения элементов языка, пытались представить дело таким образом, что будто бы извечно существует некоторое количество корнеслов, которые никогда не уничтожают-

¹ П. Лафарг, Язык и революция, изд. „Academia“, М.-Л., 1930, стр. 19.

ся и не увеличиваются, и что вся «эволюция» языка сводится лишь к модификациям этих вечных и неизменных корней.

На большом фактическом материале Лафарг показывал непрерывный процесс развития языка, всех его элементов. Язык со временем не только лишается определенного количества устаревших слов и оборотов, но и приобретает новые, никогда раньше не существовавшие слова и обороты, грамматические формы и правила. На истории французского и других языков Лафарг демонстрировал изменение произношения, правописания и самого значения слов.

„Так, по старо-французски,—указывал он,—*presire* (теперь *prêtre*—священник), *cognoistre* (*connaître*—знать), *carp* (*chair*—мясо, плоть), *charp* (*charnell*—плотский) и т. д. Значение слов также изменяется: *bon* (употребляемое сейчас как прилагательное—хороший), употреблялось прежде в смысле: добро, милость, польза, преимущество, желание и т. д.¹ *Jean le Bon* (современное: добрый Жан) обозначало храбрый, доблестный Иоанн; *bonhomme*, бывшее синонимом человека смелого и мудрого, стало насмешливым эпитетом (добродушный и недалекий человек).

Греческое слово *νομός* (*nomos*), давшее французское *potade* (кочевой), имело целый ряд различных значений, которые, на первый взгляд, казалось бы, ничем не связаны между собой; оно употреблялось вначале как „пастбище“, затем—как „место стоянки“, „местожительство“, „раздел“ и под конец обозначало „привычка“, „обычай“, „закон“².

Рассматривая непрерывное изменение языка как закон его существования, Лафарг показывал всю реакционность и утопичность попыток пуристов различных толков искусственно консервировать словарный состав и грамматический строй языка, препятствовать проникновению в литературный язык новых слов, обозначающих вновь возникшие предметы и явления, новые отношения между ними, и, напротив, сохранить в языке слова, выражения, грамматические правила, которые не соответствуют более требованиям жизни и утратили свою необходимость, свое право на существование.

Язык рассматривался Лафаргом как важнейшее средство общения между людьми. Само возникновение языка Лафарг связывал с возникновением человеческого общества, с трудовой деятельностью. Не будь общественного труда,—утверждал он,—люди не нуждались бы в языке точно так же, как в нем не нуждаются животные.

Развитие языка Лафарг связывал с развитием материальных условий жизни людей, способом производства материальных благ.

«Язык не может быть отделен от своей социальной среды так же, как

¹ La Curne de Sainte—Palage, Dictionnaire de l'ancien langage français depuis son origine jusqu'au siècle de Louis XIV (Словарь старо-французского языка от его возникновения до эпохи Людовика XIV).

² П. Лафарг, Язык и революция, стр. 19—20.

растение не может быть оторвано от свойственной ему среды климатической»¹.

Отстаивая марксистский тезис о неразрывной связи языка с историей общества, объясняя изменения в языке изменениями, происходящими в общественной жизни людей, Лафарг отвергал всевозможные объективно-идеалистические и субъективно-идеалистические концепции буржуазной лингвистики. Корни нелепых объективно-идеалистических представлений о словах как самостоятельных сущностях Лафарг искал в анимистических представлениях дикаря². Он ополчался против оценки языка как некоего субстанционального начала, имеющего, якобы, свою имманентную историю, независимую от истории развития человеческого общества и человеческого мышления. Он отвергал попытки наделения языка независимыми от общества, спонтанными, мистическими закономерностями, ни в какой степени не отражающими закономерности и этапы развития человеческого общества.

Наряду с критикой этого своеобразного лингвистического автогенеза, наряду с разоблачением научной несостоятельности и реакционности превращения языковых категорий в самостоятельные, субстанциальные духовные сущности, лингвистические взгляды, защищаемые Лафаргом, были заострены также против попыток отрицания всяких объективных закономерностей в развитии языка, всякой возможности установления закономерного становления языка.

Не отрицая относительной самостоятельности в развитии языка, Лафарг, однако, считал, что в последнем счете изменения, происходящие в языке, нужно искать и объяснять изменениями социальной среды.

«Язык отражает каждое изменение, происходящее в человеческом существе и в среде, где оно развивается. Изменения в образе жизни человеческого общества, как, например, переход от сельского образа жизни к городскому, так же как и политические события, оставляют отпечатки на языке. Народы, у которых политические и социальные события проходят интенсивно, быстро изменяют и свой язык, между тем как у народов, не имеющих истории, развитие языка останавливается.

Язык Раблэ через сто лет после его смерти был понятен только ученым, в то время как исландский праязык, родивший наречия норвежское, шведское и датское, сохранился в Исландии почти неизменным»³.

Богатство и развитость языка Лафарг непосредственно обуславливал уровнем развития мышления, что в свою очередь предопределено развитием производительных сил, богатством и разнообразием общественных связей. На низком уровне развития производительных сил человечество обходилось незначительным количеством слов и примитивными

¹ П. Лафарг, Язык и революция, стр. 22.

² „Членораздельная речь,—писал Лафарг,—производит такое яркое впечатление на наивное и сильное воображение дикарей, что они приписывают словам существование, независимое от обозначаемых ими предметов“ (П. Лафарг, Соч., т. III, стр. 102).

³ П. Лафарг, Язык и революция, стр. 20—21.

грамматическими правилами. Язык дикарей,—указывает Лафарг,—не имеет еще родовых слов, охватывающих группу однородных вещей, он пользуется лишь собственными именами. В языке дикарей нет слов для обозначения общих понятий, как «человек», «тело» и т. д., нет слов для абстрактных понятий времени, причины и т. д. Имеются языки,—говорит Лафарг,—которые не знают глагола «быть». Тасманиец имел множество слов для обозначения различных деревьев, но не имел слова для обозначения дерева вообще. То же самое с цветами. Во множестве языков дикарей,—говорит Лафарг,—нет слов для обозначения абстрактных понятий твердости, округлости, теплоты и т. д. Вместо «твердый» дикарь говорит «как камень», вместо «круглый»—«как луна», вместо «теплый»—«как солнце». Это свидетельствует, что качества твердости, округлости, теплоты в сознании дикаря неотделимы от конкретно-чувственных вещей—от камня, луны, солнца. Лишь у племен с более высоким развитием производительных сил и усложненными общественными отношениями постепенно вырабатываются первые элементарные общие понятия, лишь постепенно язык обогащается родовыми словами. По мере усложнения его производственной деятельности человек постепенно вырабатывает в себе способность к абстрагированию. В силу общественного развития он приобретает способность мыслить и выражать понятия «твердости», «округлости», «теплоты» без привлечения конкретно-материальных носителей этих качеств—камня, луны, солнца. «Качественное прилагательное,—пишет Лафарг,—становится тогда существительным и служит выражением абстрактного понятия, составившегося в мозгу»¹. Абстрактное слово, говорит Лафарг, как правило, есть прилагательное, превращенное в существительное, т. е. свойство конкретного предмета, преобразованное в личность, в воображаемое существо.

На примере слова *potos* Лафарг показывает постепенное превращение конкретного представления в абстрактное понятие в процессе общественного развития и изменение значения одного и того же слова. Слово *potos*, которое первоначально употреблялось только для обозначения пастбища, в дальнейшем начало выражать многочисленные и несовпадающие предметы и понятия (местопребывание, жилище, привычка, обычай, закон). Располагая значение слова *potos* в хронологическом порядке его употребления, Лафарг показывает главные этапы развития доисторических народностей: *potos*—пастбище, напоминает о пастушеской бродячей эпохе; как только номад (*potad*) останавливается (т. е. переходит к оседлости—Х. М.), *potos* начинает употребляться для обозначения местопребывания, жилища; но когда пастушеские народы, остановившись, избирают своим местопребыванием какую-нибудь страну, они неизбежно должны приступить к разделу земель, и *potos* получает тогда значение раздела; как только земельные разделы входят в нравы, *potos* получает свое последнее значение обычая, закона, ибо закон первоначально был лишь кодификацией обычая; в греческом языке

¹ П. Лафарг, Соч., т. III, стр. 52.

византийского периода и современной эпохи *potos* означает лишь закон. От слова *potos* происходит *potissma*—установленное обычаем, религиозный обряд; *potizo*—соблюдать обычай, мыслить, судить; *potissis*—культ, религия; *Nemisis*—богиня распределительной справедливости и т. п. слова, являющиеся как бы свидетелями влияния, оказанного аграрными разделами на человеческую мысль»¹, а, следовательно, прибавим мы, на развитие языка.

В работе «Французский язык до и после революции» Лафарг, наряду с некоторыми глубоко ошибочными выводами, на которых мы остановимся ниже, показал как сильно и непосредственно развитие французского языка зависело от развития социальной среды.

Отвергая попытку идеалистической лингвистики оторвать изучение того или иного языка от истории общества, от истории данного народа, Лафарг писал: «Лингвисты обычно не понимают влияния среды или пренебрегают им; многие из них ищут происхождения слов и даже мифологических сказаний просто в санскрите. Санскрит для языковедов то же, что френология для антропологов: это их «Сезам откройся!» ко всему необъяснимому. Читатель ужаснулся бы, если бы я привел бесконечный список слов, которые один знаменитый ориенталист производит от санскритского «блестеть». Кроме того, результаты этимологических изысканий ориенталистов должны были бы быть менее противоречивы для того, чтобы заставить нас отказаться ради их метода от теории среды, которая постепенно становится преобладающей во всех отраслях естественных и исторических наук»².

Итак, Лафарг, опираясь на материалистическое понимание истории, вслед за Марксом и Энгельсом отвергал один из основных пороков лингвистического идеализма—отрыв языка от истории общества, от социальной среды, от материальных условий жизни.

Следует в этой связи отметить, что Н. Я. Марр и его последователи, часто ссылавшиеся на Лафарга и углублявшие его ошибочные представления о скачкообразном развитии языка, в вопросе о роли социальной среды в возникновении и развитии языка коренным образом исказили и вульгаризировали марксистские взгляды по данному вопросу, убежденным защитником которых выступал Лафарг. Об этом свидетельствует защита марристами антимарксистской теории труд-магического происхождения языка, которая мистифицировала процесс возникновения языка, искала его корни не в трудовой деятельности людей, а в области магических представлений и магических действий. Если марксист Лафарг, неразрывно связывая язык с историей общества, полагал, что развитие последней обуславливает возможность и необходимость неуклонного восходящего развития языка, то Н. Я. Марр, искажая марксистское учение о возникновении языка, приходил к столь же нелепым и несуразным выводам об исчезновении языка на высших ступенях общественного про-

¹ П. Лафарг, Язык и революция, стр. 77.

² Там же, стр. 22.

гресса. Точно также учение Марра о четырех элементах вступало в непримиримое противоречие с защищаемой Лафаргом марксистской теорией о вечном процессе развития и изменения языка, всех его составных частей, в результате развития и изменения общественной жизни. Типичное натурфилософское измышление Н. Я. Марра о метафизических, неизменных в своей основе, не связанных с конкретно-исторической действительностью языковых элементов было открытой ревизией диалектико-материалистического взгляда на язык и закономерности его развития. Учение об этих пресловутых элементах, неуловимых и непознаваемых, как кантовские ноумены, как гены органистов-менделистов вносило густую струю агностицизма в лингвистику, решительным противником которого неизменно выступал Лафарг.

Отмечая неоспоримые заслуги Лафарга в защите и популяризации марксистского учения о неразрывном единстве языка с историей общества, мы должны, однако, указать, что многие важнейшие стороны этого учения не нашли творческого развития и конкретизации в работах Лафарга, а некоторые из них, как увидим ниже, были неправильно им освещены. Достаточно отметить, что такие важнейшие проблемы марксистского языкознания, как вопрос о ненастроенном и неклассовом характере языка, не стали предметом специального изучения со стороны Лафарга. Лафарг оставил в тени вопрос об обратном активном воздействии языка на развитие человеческого общества, не сумел обнаружить специфический характер связи языка с производственной и всякой иной человеческой деятельностью, вскрыть ту истину, что язык, в отличие от надстройки, отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, независимо от изменений в базисе.

Разрешение этих и многих других важнейших проблем марксистского языкознания было дано в классической работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», заложившей основы стройного и последовательного марксистско-ленинского учения о языке.

Марксистское учение о неразрывной связи между языком и обществом было творчески развито и поднято на высшую ступень товарищем Сталиным и нашло свое классическое определение в словах:

«Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Товарищ Сталин теоретически разгромил всякие попытки ревизии, искажения и вульгаризации исходного положения материалистического языкознания об обусловленности возникновения и развития языка воз-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. „Правда“, 1950, стр. 18.

никновением и развитием общества. Он показал всю научную несостоятельность превращения языка в надстроечную категорию, всю несуразность превращения его в классовую категорию. Вскрыв ту истину, что в отличие от надстройки, которая связана с производством через посредство экономики, язык находится в непосредственной связи с производственной и всякой иной деятельностью человека, товарищ Сталин сделал чрезвычайно важные выводы о специфическом отражении развития общества на развитие и изменение языка. Он установил, что «...словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения, при этом языку, в отличие от надстройки, не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса»¹.

Отсутствие стечливости понимания этой истины приводило Лафарга, как мы попытаемся показать ниже, к неправильному допущению революционных скачков в развитии языка.

2.

Мы уже отметили, что Лафарг боролся не только против отрыва истории языка от истории общества, но также против отрыва языка от мышления. Он твердо руководствовался марксовым определением, согласно которому «язык есть непосредственная действительность мысли». Язык, согласно Лафаргу, есть не что иное как обнаружение человеческих мыслей, а история развития языка—история развития человеческого мышления. Изменение общественной жизни, материальных условий жизни людей,—утверждал Лафарг,—приводит к расширению и углублению человеческого познания и тем самым к развитию и обогащению языка. Только в силу этой неразрывной связи между общественной жизнью, мышлением и языком,—указывал Лафарг,—история языка обладает такой большой познавательной силой, может стать ключом для изучения отдаленных эпох человеческой истории и человеческого мышления. Для изучения возникновения отвлеченных понятий и идей,—указывал Лафарг,—«...нужно исследовать язык, этот самый важный, если не первый способ проявления чувств и представлений»². Известно, как часто и с каким мастерством Лафарг сам прибегал к анализу языковых фактов для раскрытия процесса образования абстрактных понятий, происхождения понятия справедливости, добра и души, для материалистического толкования истории возникновения тех или иных мифов.

Лафарг жестоко осмеивал представителей идеалистической лингвистики, которые пытались понять закономерности возникновения и развития языка в полном отрыве от истории человеческого мышления, предавали забвению тот неоспоримый факт, что язык является материальной формой обнаружения человеческих мыслей.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 20.

² П. Лафарг, Соч., т. III, стр. 46.

Обосновывая единство мышления и языка, Лафарг ссылался на такой знаменательный факт, как обозначение многими народами языка и мысли одним и тем же словом. «Греки,—писал Лафарг,—одним и тем же словом „logos“ обозначают и слово, и мысль... от глагола *phrazō* (говорить) они производят глагол „*phrazomai*“ —говорить себе самому, думать»¹.

Следует однако отметить, что, достаточно обстоятельно доказывая невозможность существования языка без мышления, Лафарг оставил в тени другую сторону этого вопроса, а именно—невозможность существования самого мышления без языка. В своих работах он лишь вскользь останавливается на этом вопросе. Он правильно констатирует зависимость мышления от языка, но не развивает и не углубляет это чрезвычайно важное положение. Так, в работе «Экономический детерминизм К. Маркса» Лафарг пишет: «...самый абстрактный ум не может думать, не пользуясь словами, не разговаривая с самим собой, мысленно, если не словесно, подобно детям и многим взрослым, которые бормочут то, что они думают»².

Точно так же, правильно отмечая, что «язык занимает слишком большое место в развитии разума»³, Лафарг не развивает это правильно исходное положение. Он не показывает роли языка, грамматики в развитии мышления, не останавливается на обратном активном влиянии языка на развитие общественной жизни.

Эти важнейшие теоретические вопросы, имеющие общеполитическое значение, нашли свое гениальное разрешение в работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Товарищ Сталин показал идеалистическую сущность отрыва мышления от языка. Если Лафарг и многие другие, говоря о взаимосвязи мышления и языка, обычно подчеркивали невозможность существования языка вне и независимо от мышления, то товарищ Сталин подчеркнул другую сторону этого вопроса, а именно невозможность существования самого мышления без языка. Мысль не может возникнуть раньше и независимо от своего языкового выражения. Мысль и ее словесное выражение есть конкретная форма диалектического единства содержания и формы. И подобно тому, как не может быть содержания без формы, точно так же не может быть оголенной, чистой мысли без языкового материала, без языковой оболочки.

«Какие бы мысли,—учит товарищ Сталин,—ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи»—не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли

¹ П. Лафарг, Соч., т. III, стр. 46.

² Там же, стр. 46—47.

³ Там же, стр. 47.

проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка»¹.

Неоценимо значение сталинского определения роли языка в мышлении, в развитии марксистско-ленинской теории познания. Оно положило конец попыткам изучения процесса отражения мыслью внешней объективной действительности в отрыве от языковых факторов, в отрыве от истории и теории языка.

Из раскрытой товарищем Сталиным истины о невозможности существования мысли без языкового оформления вытекает ряд принципиальных, чрезвычайно важных выводов.

На самом деле, если мышление и язык суть диалектическое единство содержания и формы, а форма, как учит диалектический материализм, есть начало активное, обратно-воздействующее на развитие содержания, то, следовательно, язык как форма обнаружения мысли не только определяется мыслью, но и активно влияет на мысль. Товарищ Сталин в следующих словах характеризует активную природу языка, ее роль в развитии мышления: «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время»².

Неоспоримо, что грамматика, как указывает И. В. Сталин, являющаяся результатом многовековой, абстрагирующей деятельности мышления, показателем его огромных достижений, сама обратно влияла и влияет на развитие мышления, совершенствует, углубляет и отшлифовывает его.

Не трудно заметить как глубоко заблуждался Н. Я. Марр, когда провозглашал грамматику «пустой формальностью» и легкомысленно шельмовал лисдей, считавших грамматический строй основой языка, формалистами.

Таким образом, товарищ Сталин не только вскрыл неоценимое значение языка для обмена мыслями между людьми, без чего невозможно существование общественного производства, существование самого общества, но показал также активное воздействие языка на мышление. В результате старая испытанная истина о том, что ясность мысли является условием ясности языка, дополнилась не менее важной истиной, а именно: совершенство языка, будучи выражением совершенства мышления и породивших мышление общественных материальных условий жизни, само активно воздействует на мысль и содействует ее глубине, отчетливости, стройности и гибкости.

3.

Для обоснования своих антинаучных взглядов на язык, как на классовую категорию, марристы часто ссылались на Лафарга, пытались пред-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

² Там же, стр. 40.

ставить его в роли противника необходимости общенародного, национального языка. Согласно их трактовке, Лафарг будто бы полагал, что углубление классовых противоречий ведет к образованию различных классовых языков в среде одной и той же нации. В работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин, показывая всю несостоятельность попыток марристов превратить Лафарга в своего единомышленника, писал: «Ссылаются на Лафарга, указывая на то, что Лафарг в своей брошюре «Язык и революция» признает «классовость» языка, что он отрицает будто бы необходимость общенародного, национального языка. Это неверно. Лафарг действительно говорит о «дворянском» или «аристократическом языке» и о «жаргонах» различных слоев общества. Но эти товарищи забывают о том, что Лафарг, не интересуясь вопросом о разнице между языком и жаргоном и называя диалекты то «искусственной речью», то «жаргоном», — определенно заявляет в своей брошюре, что «искусственная речь, отличающая аристократию... выделилась из языка общенародного, на котором говорили и буржуа, и ремесленники, город и деревня».

Следовательно, Лафарг признает наличие и необходимость общенародного языка, вполне понимая подчиненный характер и зависимость «аристократического языка» и других диалектов и жаргонов от общенародного языка.

Выходит, что ссылка на Лафарга бьет мимо цели¹.

И действительно, Лафарг никогда не доходил до утверждения, что будто бы «аристократический язык» во Франции имел основной словарный фонд и грамматический строй, которые отличались от основного словарного фонда и грамматического строя общенародного французского языка. Характеризуя «аристократический язык», он ограничивался лишь констатацией, что этот «язык» имеет определенное количество специфических слов, оборотов и выражений, рожденных в аристократической среде и доступных только для высшей феодальной знати. Не трудно заметить, что под «аристократическим языком» Лафарг по существу подразумевает один из жаргонов, наличие которых не отрицает, а, напротив, подтверждает существование общенационального языка.

Отвергая «классовость» языка, марксизм не берет под сомнение, что каждый общественный класс пытается использовать язык в своих целях. «...язык, как средство общения людей в обществе, — пишет И. В. Сталин, — одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам. Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения»².

В своей работе «Язык и революция» Лафарг очень хорошо и убедительно проиллюстрировал это марксистское положение. На большом и разнообразном языковом материале он показал как и в каком направле-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

² Там же, стр. 10.

нии влияли на французский язык различные общественные классы и, в частности, аристократия и буржуазия. На основе изучения различных изданий академического словаря французского языка Лафарг показал, с какой силой социально-политические сдвиги в общественной жизни Франции XVIII столетия находили свое отражение в языке. Приведенные им материалы свидетельствуют, как обреченная на гибель французская аристократия, желая сохранить свою власть, богатства и привилегии, влияла на язык, пыталась препятствовать вторжению в язык новых слов, терминов, выражений, отражавших понятия и представления, чуждые и враждебные интересам господствующих феодальных сословий. В свою очередь предреволюционная французская буржуазия, выступая в силу сложившихся условий гегемоном в антифеодальной борьбе, активно осуществляла свою языковую политику, боролась против «аристократического языка», обогащала язык словами и выражениями, рожденными дальнейшим капиталистическим развитием Франции.

«В XVIII в.,—пишет Лафарг,—язык видоизменяется: он теряет свой аристократический лоск и приобретает демократические замашки буржуазии. Многие писатели, не взирая на гнев Академии, стали свободно заимствовать слова и выражения из языка лавочников и улицы»¹.

Идеологи буржуазии не могли не констатировать, что академический словарь заполнен множеством терминов геральдики и не содержит почти никаких технических терминов.

«Пора признаться,—продолжает автор статьи,—что язык французской аристократии есть лишь слабый и милый лепет; откровенно говоря, наш язык не обладает ни смелостью образов, ни пышностью периодов, ни той живостью выражений, которая могла бы передать чудесное, он не эпичен... Из какой-то ложной щепетильности, французский язык не решается назвать огромного количества существенно важных вещей»².

В этих словах явно чувствуется наступление нового этапа в общественном развитии, неудовлетворенность буржуазии «аристократическим языком», феодально-клерикальными стеснениями развития французского языка.

Лафарг показывает, как революционный шквал 1789—1794 гг. наложил свой отпечаток на развитие французского языка, как рождались новые слова и обороты, выражавшие чувства и мысли революционной демократии, ее чаяния и интересы. Анализируя язык литературы и периодической прессы первых годов революции, Лафарг замечает: «Страстный и резкий язык этих газет и памфлетов родился только сейчас: слова, ковавшиеся для потребностей момента, жалили; фразы, полные нового красноречия, поражали противника как удары дубины»³.

Большой интерес представляют приведенные в работе Лафарга материалы, показывающие, как после прихода буржуазии к власти, после термидорианского переворота контрреволюционные силы ополчаются

¹ П. Лафарг, *Язык и революция*, стр. 55.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 64.

против слов и выражений, рожденных в лагере революционной демократии. Реакционеры требовали выбросить из словаря ненавистные для них «варварские и низменные» слова как *enragé, motionner, révolutionner, sans-culotte, sans-culottides*. «Подобные слова,—писал враг революции аббат Морелле,—обреченные на эфемерное существование, принадлежащие революционному жаргону или выражающие безумства и преступления революционного правительства, не должны были бы пачкать словарь французского языка...!»

Итак, Лафарг не шел дальше констатации того правильного факта, что классы не безразличны к языку и стремятся влиять на него, исходя из своих особых интересов. Из этого неоспоримого положения Н. Я. Марр и его последователи пришли к глубоко ошибочному выводу о «классовости» языка и попытались представить Лафарга в качестве своего предшественника в вульгаризации марксистского понимания языка.

Действительное упущение Лафарга заключалось в том, что он, не отрицая существования общенационального языка, признавая по существу: жаргоны и территориальные диалекты как ответвления единого национального языка, неправильно именовал их языками («аристократический язык», «буржуазный язык», «гасконский язык» и т. п.) и тем самым содействовал возникновению неправильного взгляда на язык, как на классовую категорию.

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин пишет, что в литературе нередко «классовые» диалекты, жаргоны, салонные «языки» «неправильно квалифицируются как языки: «дворянский язык», «буржуазный язык»,—в противоположность «пролетарскому языку», «крестьянскому языку». На этом основании,—указывает И. В. Сталин,—как это ни странно, некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки»².

Мы видели, что Лафарг в какой-то степени был причастен к созданию этой вредной путаницы, хотя сам не стал на позиции оценки языка как классового явления.

4.

Много серьезнее были ошибки Лафарга в понимании особенностей развития языка. Отступая от марксизма, он утверждал, что будто бы развитие языка осуществляется путем разового уничтожения старого языка и возникновения нового.

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин показал всю ошибочность этих утверждений Лафарга, которые были раздуты и доведены до абсурда Н. Я. Марром и его единомышленниками.

«Марксизм,—пишет И. В. Сталин,—не признает внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного

¹ П. Лафарг, Соч., т. III, стр. 215.

² И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

построения нового языка. Лафарг был не прав, когда он говорил о «внезапной языковой революции, совершившейся между 1789 и 1794 годами» во Франции (см. брошюру Лафарга «Язык и революция»). Никакой языковой революции, да еще внезапной, не было тогда во Франции. Конечно, за этот период словарный состав французского языка пополнился новыми словами и выражениями, выпало некоторое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение некоторых слов,—и только»¹.

История французского языка полностью опровергает утверждения Лафарга о том, что будто бы в период с 1789 по 1794 гг. произошла «лингвистическая революция», которая якобы сломала «блестящий стальной обруч, сковавший язык» и он «отвоевал себе свободу»². Столь же ошибочны и противоречат фактам утверждения Лафарга, что будто бы как только разразилась французская буржуазная революция конца XVIII века, французский «язык», словно по мановению волшебного жезла, в течение нескольких лет, от 1789 по 1794 гг., совершенно преобразился»³.

Следует в первую очередь отметить, что сами материалы, приводимые Лафаргом для обоснования «лингвистической революции», опровергают наличие этой революции и свидетельствуют лишь об обогащении французского языка некоторым количеством новых слов и выражений.

Неспоримо, что в период революции из существительных был образован и пущен в оборот ряд новых глаголов: *centraliser*, *requisitionner*, *baser*, *mobiliser*, *éditer*, *mystifier*, *moderniser* и т. д. Но характерно, что Лафарг не сумел перечислить более 80 новых глаголов, удержавшихся в языке. Следует при этом отметить, что некоторое количество этих новых глаголов, как это признает сам Лафарг, существовало еще до революции, если не в разговорном языке, то хотя бы в отдельных книгах.

Относительно незначительно также то количество новых слов, которые появились в период революции. Здесь также следует оговорить, что определенная часть этих слов по существу не является новым, так как они встречаются в литературном языке дореволюционного периода. Новыми они являются в том смысле, что из книжных страниц ворвался в разговорный язык.

Несостоятельность утверждений Лафарга о «лингвистической революции» с особой отчетливостью обнаруживается тогда, когда мы знакомимся с изменениями, происшедшими в период революции в основном словарном фонде и в грамматическом строе французского языка. Факты показывают, что эти изменения были настолько незначительными, что не дают основания говорить о какой-либо революции во французском языке. Подавляющее большинство новых глаголов, существительных и прилагательных было образовано из слов, входящих в основной словарный фонд французского языка. Что касается грамматического строя французского языка, то характерно, что Лафарг даже не попытался показать

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

² П. Лафарг, Язык и революция, стр. 29.

³ П. Лафарг, Соч., т. III, стр. 231.

скольких-нибудь значительные изменения этого строя. По существу он ограничился обнаружением лишь стилистических особенностей выступлений революционных ораторов и статей, помещенных в революционной прессе, и почти полностью обошел вопрос о коренных изменениях в основном словарном фонде и в грамматическом строе французского языка. Лафарг не мог показать этих коренных изменений уже потому, что, как было уже сказано, они не имели места в французском языке. Что касается изменений в области стиля, осуществившихся в период французской революции, то они, несмотря на свою значительность, базируются на основном словарном фонде и грамматическом строе французского языка и не в состоянии тем самым пошатнуть его основы.

Отвергая утверждения Лафарга о «лингвистической революции», товарищ Сталин указывает: «Главное в языке—его грамматический строй и основной словарный фонд. Но грамматический строй и основной словарный фонд французского языка не только не исчезли в период французской буржуазной революции, а сохранились без существенных изменений, и не только сохранились, а продолжают жить и поныне в современном французском языке. Я уже не говорю о том, что для ликвидации существующего языка и построения нового национального языка («внезапная языковая революция»!) до смешного мал пяти-шестилетний срок,—для этого нужны столетия»¹.

Нужно полагать, что причиной грубых заблуждений Лафарга в понимании специфических особенностей языка послужило отождествление закономерностей развития языка с закономерностями развития надстроечных явлений. Лафаргу казалось, что уничтожение того или иного типа производственных отношений влечет за собой не только уничтожение надстройки, порожденной данным базисом, но также и языка. У него не было четкого представления о том, что язык не может быть отнесен к надстройке. Вступая в противоречие со своими же, в основном правильными, взглядами на язык как на общенациональное явление, он ошибочно допускал гибель языка с гибелью той или иной общественной формации.

В работе «Язык и революция» Лафарг писал: «После революции и разрушения *ancien régime* было так же невозможно довольствоваться старой литературой эпохи Людвига XIV, как и продолжать говорить на ее языке»². Как видим, совершенно неправомечно Лафарг ставит знак равенства между литературой и языком, отождествляя их судьбы с падением старого режима. Вслед за этим Лафарг заявляет, что закон скачкообразного перехода количественных изменений в новое качество распространяется и на язык. Он полагает, что скачкообразно-революционные переходы обязательны не только в развитии классово-антагонистического общества, государства, форм собственности и т. д., но и в развитии языка. «Язык,—пишет Лафарг,—революционизировался, подобно государству, обществу, собственности и нравам»³.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23—24.

² П. Лафарг, Язык и революция, стр. 23.

³ П. Лафарг, Соч., т. III, стр. 216.

Неправильные взгляды Лафарга на язык как на надстроечное явление, доведенные, как мы уже отметили, до крайности, до абсурда Н. Я. Марром и марристами, подвергнуты резкой критике со стороны товарища Сталина.

«Язык,—учит И. В. Сталин,—порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений»¹.

Из этого неоспоримого положения товарищ Сталин сделал тот вывод, что с падением того или иного базиса, того или иного общественного класса не может иметь места исчезновение старого языка и возникновение нового. Эту истину товарищ Сталин проиллюстрировал на истории развития русского языка. Он с исчерпывающей полнотой показал, что падение феодального и капиталистического базисов в России и возникновение социалистического базиса не сопровождались исчезновением русского языка и возникновением нового языка. Коренные, скачкообразные переходы, революционные взрывы в развитии производственных отношений, переходы от одной общественно-экономической формации к другой не могли привести и не привели к коренным изменениям в грамматическом строе и основном словарном составе русского языка. Сказанное в полной мере относится и к французскому языку, как и ко всем остальным языкам.

Отвергнув надстроечный характер языка, товарищ Сталин показал, что в отличие от многих общественных явлений классово-антагонистического общества язык в своем развитии не знает взрывов, разовых уничтожений старого языка и возникновения нового языка.

«Марксизм,—пишет товарищ Сталин,—считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества»².

Подводя итог сказанному, мы должны отметить, что в работах Лафарга, касающихся вопросов языкознания, наряду с правильными положениями имеются оценки и определения, которые не могут быть признаны марксистскими. Правильные утверждения Лафарга о единстве человеческого общества и языка, о неразрывной связи между человеческим мышлением и языком, его в основном правильные оценки языка как общенационального явления сочетались с немарксистскими положениями о надстроечном характере языка, о гибели языка с гибелью данного экономического базиса, о взрывах в развитии языка.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 5.

² Там же, стр. 24.